

ГЛАВА 1

Четвертый и пятый день в плену

На четвертый день я лежала, строя планы его смерти.

Я мысленно составляла список из имеющихся у меня преимуществ, находя утешение в таком планировании... *неплотно прилегающая половица, красное вязаное одеяло, высокое окно, деревянные балки под потолком, замочная скважина, мое состояние...*

Я помню все, о чем я тогда думала, так отчетливо, как если бы все это происходило прямо сейчас и эти мысли роились бы в моей голове вот в этот самый момент. Я думаю — *вот он снова стоит за моей дверью*, хотя с тех пор прошло уже семнадцать лет. Возможно, те дни навсегда останутся моим настоящим, потому что своим выживанием я обязана мельчайшим деталям каждого часа и тому, что каждую секунду посвящала кропотливой выработке стратегии. В то мучительное и нестираемое из моей памяти время я была совершенно одна. И теперь я смело и с гордостью могу утверждать, что достигнутый мною результат, моя несомненная победа стала не чем иным, как самым настоящим шедевром.

На четвертый день я продвинулась далеко вперед в составлении своего каталога преимуществ и черновом наброске плана мести, сделав это без помощи ручки или карандаша. Эскизы возможных способов решить мою проблему существовали исключительно у меня в мозгу. Я понимала, что мне предстоит решить очень сложную головоломку, но я твердо знала, что мне это по силам... *неплотно прилегающая половица, красное вязаное одеяло, высокое окно, деревянные балки под потолком, замочная скважина, мое состояние... Как сложить этот пазл в единую картину?*

Снова и снова я воссоздавала эту загадку в поисках дополнительных преимуществ. *Ах да, ну разумеется, ведро. И да, да, да, этот пружинный матрас, совсем новый — он даже не снял с него полиэтиленовую упаковку. Отлично, а теперь все сначала, обдумывай все, что у тебя есть. Деревянные балки под потолком, ведро,*

пружинный матрас, полиэтиленовая упаковка, высокое окно, неплотно прилегающая половица, красное вязаное одеяло...

Чтобы все это выглядело по-научному, я присваивала преимуществам номера. *Неплотно прилегающая половица (Преимущество № 4), красное вязаное одеяло (Преимущество № 5), полиэтиленовая...* В начале четвертого дня этот перечень выглядел совершенно исчерпывающим. Я решила, что этого недостаточно.

Около полудня сосновые доски пола за дверью моей тюремной камеры, моей спальни, скрипнули, нарушив мое сосредоточение. *Он определенно стоит за дверью. Ланч.* Задвижка переместилась слева направо, замочная скважина повернулась, и он ворвался в комнату, не задержавшись на пороге даже ради приличия.

Он поставил на мою постель поднос с уже знакомой едой, как делал это во время всех предыдущих приемов пищи. Белая кружка с молоком и детская чашечка воды. Никаких приборов. Кусок пирога с яйцом и беконом лежал рядом с ломтем хлеба домашней выпечки на тарелке — фарфоровом диске с розовым рисунком — женщина с горшком, мужчина в шляпе с пером и собака. Я испытывала к этой тарелке настолько противоестественное отращение, что даже сейчас содрогаюсь, вспоминая ее. На обратной стороне было написано «Веджвуд»¹ и «Спаситель». *Это будет мой пятый прием пищи с этого спасения. Я ненавижу эту тарелку. Ее я тоже убью.* Тарелка, кружка и чашка, похоже, те же, в которых мне приносили завтрак, ланч и обед третьего дня моего заточения. Первые два дня я провела в фургоне.

— Еще воды? — спросил он своим резким, низким и лишенным всякого выражения голосом.

— Да, пожалуйста.

Он начал повторяться на третий день. Думаю, именно это и подтолкнуло меня к серьезному планированию. И вопрос стал частью процесса. Он приносил мне еду и спрашивал, не хочу ли я еще воды.

¹ Веджвуд (англ. Wedgwood) — британская фирма по производству прежде всего фаянсовой посуды, знаменитая торговая марка.

Я решила отвечать на вопросы утвердительно и набралась терпения, приготовившись каждый раз говорить «да», хотя все это было полной бессмыслицей. *Почему сразу не принести большую чашку? К чему эта суета? Он выходит, запирает дверь, где-то дрожат водопроводные трубы, чихает и испускает струю кран. Все это происходит вне пределов моей видимости через замочную скважину. Он возвращается с пластмассовой чашкой тепловатой воды. Зачем? Вот что я вам на это скажу: очень многое в этом мире навсегда останется непонятым, так же как и логика множества необъяснимых действий моего тюремщика.*

— Спасибо, — произнесла я, когда он вернулся.

На втором часу первого дня я решила попытаться сымитировать вежливость послушной школьницы и казаться благодарной, потому что очень быстро поняла, что смогу перехитрить этого сорокалетнего мужчину, своего тюремщика. *Я бы дала ему лет сорок с лишним, потому что на вид ему столько же, сколько моему отцу. Я знала, что у меня хватит ума, чтобы обыграть это ужасное отвратительное существо, хотя мне было всего шестнадцать.*

Ланч четвертого дня в точности повторял ланч дня третьего. Но, возможно, пища давала мне все необходимое, потому что я поняла — в моем распоряжении множество других преимуществ: время, терпение, неослабевающая ненависть. А когда я пила из толстой ресторанной кружки молоко, заметила, что у ведра имеется металлическая ручка и концы у этой ручки острые. *Ее достаточно снять, и она превратится в отдельное от ведра преимущество.* Кроме того, я находилась высоко в здании, а не под землей, как я думала в первые два дня. Судя по кроне дерева за окном и трем лестничным маршам, которые я преодолела, поднимаясь сюда, меня наверняка поселили на третьем этаже. Я решила, что высота — это еще одно преимущество.

Странно, не правда ли? Шел четвертый день, а мне до сих пор не было скучно. Можно было бы предположить, что мозг человека, запертого в полном одиночестве, склонен к безумию или галлюцинированию. Но мне повезло. Первые дни плена я провела

в поездке, и то ли мой тюремщик совершил чудовищную ошибку, то ли чего-то не рассчитал, но для своего преступления он воспользовался фургоном, и у этого фургона были затонированы боковые стекла. Разумеется, снаружи ничего не было видно, зато я видела все. Я изучала и загружала в мозг наш маршрут, подробности, которыми так ни разу и не воспользовалась, но процесс преобразования и загрузки данных на целых два дня обеспечил мой мозг работой.

Если сейчас, по прошествии семнадцати лет, вы спросите меня, какие цветы росли на обочине съезда с тридцать третьего шоссе, я отвечу: полевые маргаритки вперемешку с ястребинкой. Я опишу для вас небо — туманное, серо-голубое, на горизонте грязновато-коричневое. Я готова рассказать и о неожиданных событиях, таких, например, как буря, грянувшая через 2,4 минуты после того, как мы миновали полянку с цветами, когда черная масса над нами разразилась весенним градом. Вы как наяву увидите круглые льдинки размером с горошину, вынудившие моего похитителя остановить автомобиль под путепроводом, три раза произнести «сука», выкурить одну сигарету, щелчком выбросить окурки и снова тронуться в путь, через 3,1 минуты после того, как первые градины посыпались на капот этого преступного фургона. Сорок восемь часов подробностей этого переезда я превратила в фильм, который прокручивала в голове каждый божий день своего плена, изучая и анализируя каждую минуту, каждую секунду, все до единого кадры в поисках возможностей и преимуществ.

Боковое окно фургона и то, как он меня усадил, в положении, позволившем следить за дорогой, заставило меня быстро сделать вывод о том, что захвативший меня мерзавец — безмозглая обезьяна, действующая на автопилоте, дистанционно управляемый исполнитель. Но мне было удобно сидеть в прикрученном к полу фургона кресле. Кроме того, несмотря на многочисленные попытки поправить сползающую с моих глаз повязку, ему, видимо, было лень слишком долго с ней возиться, хотя, вероятно, этот просчет